

Игнорирование мусульманскими депутатами общегосударственных интересов создавало препятствия для тесных контактов с российскими политиками, не предполагавшими значительно расширять права российских мусульман. Таким образом, в сущности, сепаратизм мусульманских депутатов был обусловлен ключевыми противоречиями целей и задач мусульманских и иных российских политиков. Как нам представляется, во многом это противоречие основано на конфликте между концепциями "государственности" в российском и мусульманском праве. Депутаты-мусульмане видели государственное развитие России, безусловно, иным – более соответствовавшим нормам ислама.

Все поднятые Д.М. Усмановой проблемы на примере деятельности мусульманской фракции дореволюционной Госдумы чрезвычайно актуальны для нынешнего времени, когда во второй половине 1990-х годов ислам вновь стал инструментом политической борьбы с российскими политическими элитами. Однако 2001–2005 гг. характеризуются значительным наступлением властных и силовых структур на те исламские политические движения, которые были в большей степени связаны с распространением идеи исламского государства и, соответственно, вели политическую борьбу. В результате в последние годы их деятельность заметно слабеет, и в мусульманских регионах России вновь встает проблема появления новых политических "демократических" лидеров, которые будут внедрять и отстаивать западные ценности, не опираясь ни на национальную культуру, ни на религию (ислам). Однако возникает вопрос – насколько это возможно?

Как известно, существует устойчивое и довольно спорное мнение о невозможности демократических форм правления в мусульманских обществах. Исламские лидеры в своем стремлении к установлению исламского государства опираются именно на этот аргумент. Власть в исламском государстве, как мы указывали выше, тесно связана с шариатом, поэтому известный переводчик Корана на русский язык, проф. М.-Н.О. Османов предлагает ввести в употребление термин *шаритатская государственность*. Такая власть не основана на демократии в ее западном понимании, а является, по мнению самого крупного специалиста в России по мусульманскому праву, Л.Р. Сюкияйнена, своеобразной формой власти – *номократией* – властью закона. Многие исламские лидеры небезосновательно считают, что исламские принципы построения государства наиболее близки в частности горским народам Северного Кавказа, и только они позволили бы начать новый этап модернизации всех сторон жизни горцев, в том числе и экономики региона, находящейся, как известно, в крайне застойном состоянии. Те экономические преобразования, которые начались и активизировались в конце 1990-х – начале 2000-х годов в других, "неисламских регионах" Российской Федерации, на Северном Кавказе явно "пробуксовывают".

Таким образом, политическая жизнь мусульман как в Российской империи, что убедительно показано в монографии Д.М. Усмановой, так и в современной Российской Федерации во многом оказывается в неизбежном тупике. В итоге они вынуждены отстаивать исключительно местные (исламские) интересы в противовес фундаментальным политическим движениям общероссийского масштаба.

ЭО, 2006 г., № 4

© А.А. Белик. Рец. на: *Б.Х. Бгажников. Основания гуманистической этнологии*. М.: РУДН, 2003. 272 с.

Рецензируемая книга представляет собой интересную попытку соединения конкретных этнографических данных с теоретическими проблемами этнологии. Важнейшим посредником в этой интеграции выступает "сопереживающий человек", который объединяет разнообразные аспекты уклада жизни народов Кавказа. Отсутствие личного начала обедняет этнографическое исследование, а использование объективно-чувственных аспектов взаимодействия людей "оживляет"

Андрей Александрович Белик – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

конкретный этнологический анализ. Поэтому важнейшую заслугу автора я вижу в том, что ему удалось создать один из вариантов "очеловеченной" этнографии.

Центральный предмет исследования Б.Х. Бгажнокова – "культура эмпатии" как важнейший аспект культуры, во многом определяющий "тенденции этнического развития человечества" (с. 5). Эмпатические отношения (эмпатия – сопереживание, сочувствие, основанное на понимании) повышают уровень толерантности, способствуя понижению конфликтности в обществе.

Один из источников конфликтов автор видит в несбалансированности индивидуалистических устремлений и коллективистских качеств. По его мнению, эгоцентричное "Я" не должно доминировать над "Мы", поскольку это две закономерные части общественных процессов. Исследователь отмечает, что процесс индивидуализации зачастую оборачивается катастрофической по своим масштабам дегуманизацией человеческих связей и отношений, в то же время "тяга к этническим корням практически никогда не уничтожается, хотя и колеблется в широких пределах, то снижаясь, то возрастая" (с. 14).

Касаясь феномена этнической напряженности, Б.Х. Бгажноков определяющее значение придает соотношению проектного и наличного этнического бытия. Несоответствие этих двух уровней и порождает этническую напряженность, которая, в свою очередь, ведет к "социальному беспокойству" на основе стрессовой ситуации. Симптомы "социального беспокойства" – смутные предчувствия, тревога, страх, внушаемость и раздражительность, а также повышенная активность, имеющая невротически-хаотический характер (с. 21).

Ситуация несоответствия уровней, стресса и "социального беспокойства" может возникнуть в результате самых различных событий. Часто она проявляется в процессе модернизации, особенно если результат последней – разрушение, а не трансформация традиционной культуры. Б.Х. Бгажноков отнюдь не сторонник абсолютной консервации традиционных культур, но он считает, что сочувствие, сопереживание должно наложить отпечаток на модернизацию. "Эмпатичность ...предлагает готовность помочь людям более организованно и безболезненно пройти путь от традиционно-иррациональных к инструментально-рациональным отношениям и избрать вариант модернизации, опирающийся на традиции собственного народа, но не отвергающий с порога новых форм и стандартов жизни" (с. 27). Один из аспектов эмпатических отношений – развитие чувства "интеридентичности, когда в различиях между собой и людьми другой культуры человек видит не отделяющую его от них пропасть, а сложную мозаику принципиального единства и целостности" (с. 35).

Важную роль в регулировании жизнедеятельности людей автор отводит этнической культуре. В процессе рассмотрения этого фундаментального понятия Б.Х. Бгажноков приходит к выводу, что разнообразие культур – естественная норма истории. Он цитирует мнение М.Н. Коэна о том, что мы "обязаны уважать достоинство других в соответствии с их собственными представлениями об этом, с их собственными представлениями о культуре и обществе" (с. 51). В свете таких положений, да и вообще ввиду фактического положения в мире неприемлема в настоящее время идея создания "на планете относительно гомогенной социокультурной среды" (с. 61).

В свое время под влиянием идей европоцентризма были уничтожены "десятки миллионов людей, отказывающихся жить в соответствии с ценностями и нормами просвещенной Европы. Я уже не говорю о культурах и цивилизациях, которые были разрушены целиком. По существу, это превало естественный ход развития человечества" (с. 61).

Разнообразие культур и народов – это естественное качество исторического процесса, неподвластное субъективным намерениям отдельных групп людей, "это бесценный дар, которым необходимо распорядиться с большим умом и тактом" (с. 63). "Этнос" автор сравнивает с домом, который обеспечивает благополучие живущих в нем: "Этнос создается, существует и развивается для того, чтобы человек не чувствовал себя потерянным и брошенным в этом мире, чтобы в созданном для себя этническом пространстве у него было ощущение радости бытия и полноты жизни" (с. 63).

Таким образом, центральным понятием, в контексте которого получают значение все остальные категории, является "сопереживание с пониманием ценностей других культур". Именно так можно раскрыть содержание понятия "эмпатия" применительно к этнологии. Поэтому автор та-

кое внимание уделяет психологическим потребностям человека в общности, укорененности, удовлетворение которых предохраняет от "экзистенциального невроза" и одновременно способствует "пониманию" других культур. Наряду с понятием "эмпатия" важнейшим аспектом гуманистической этнологии, ее стержнем, является теория культурного релятивизма в умеренной форме (образца Боаса–Бенедикт, так как автор отвергает крайности М. Херсковица).

Оценивая общетеоретическую постановку вопроса о гуманистической этнологии, следует отметить оригинальность подхода и последовательность в рассмотрении ряда этнологических проблем. Недостатком является то, что автор при раскрытии содержания гуманистического подхода использует слишком много понятий. Здесь "этничность" с ее неопределенно-рыхлым значением, "этнос", "этническая идентичность", "этническая культура", "нация" и др. Терминологическое упрощение в описании того, что есть гуманистическая этнология, значительно повысило бы цельность изложения. Достаточно было бы использовать понятия "этническая идентичность", "культура", "этнос" в качестве базовых. В то же время непривычны такие словосочетания, как "релятивистская теория наций" (лучше – культур), расширены границы содержания понятия "этнос". Но эти шероховатости касаются формы изложения, несколько не снижая общую продуктивность гуманистического подхода в этнологии.

Обозначив общетеоретические ориентиры, Б.Х. Бгажноков переходит к центральной части исследования, состоящего в рассмотрении "культуры эмпатии" и ее проявлений в традициях кавказских народов. Анализу столь многостороннего явления посвящена специальная глава "Культура эмпатии", а также главы "Эмпатия в системе права и система прав на эмпатию", "Традиции общения". Конкретным проявлениям эмпатии во многом посвящена вторая часть книги "Гуманистический смысл состояний и обрядов перехода".

Обращаясь к теоретико-историческим аспектам понятия "эмпатия", автор выделяет два направления его исследований. Первое – это герменевтика, берущая начало от трудов Ф. Шлейермахера, получившая последующее развитие в "философии жизни", в первую очередь в трудах В. Дильтея. Второе – гуманистическая психология (Франкл, Роджерс). Б.Х. Бгажноков также отмечает, что классический метод "включенного наблюдения" предполагает эмпатическое мышление – понимание и соответствующее поведение. Кроме этого, автор использует идеи К. Юнга ("у человека есть инстинкт сочувствия", с. 68). Интересно, что Б.Х. Бгажноков распространяет (под влиянием К. Юнга) сочувствие на весь многообразный мир культуры, включая элементы неживой природы и материальной культуры. Он видит в антропоморфизации человеком окружающего мира гуманистическую направленность и выражение единства мира в традиционных культурах.

Таким образом, анимизм (аниматизм) у Б.Х. Бгажнокова есть важнейшее качество человека, позволяющее ему установить "эмпатические" отношения с окружающими миром, устранить противостояние с природой, добиться единства мира, столь необходимого в современную эпоху, отличающуюся нестабильностью и бесконечным экологическим кризисом.

Лучшей иллюстрацией этого положения является комплекс обрядов и верований, связанных с пищей у народов Кавказа (глава "Культ пищи и пищевой аниматизм"). Пища занимает особое место в ряду традиционных ценностей, с ней связан культ святости и целая система разнообразных "традиционных способов мышления и поведения" (с. 196), "в традиционном сознании пища предстает не только как объект, пусть даже очень важный, но также и как субъект, чутко и "осмысленно" реагирующий на поведение людей. ...она наделяется душой, способностью чувствовать, переживать и оценивать нравственный смысл определенных действий" (с. 197).

Б.Х. Бгажноков называет такое явление, характерное для адыгов и других народов Кавказа, "пищевым аниматизмом". Культ такого рода характеризует деятельность людей как "одухотворяющую", что резко контрастирует с дегуманистической составляющей индустриальных культур по отношению к природе и человеку. Таким образом, пища является универсальной ценностью: "пища сближает людей и приобщает их к божественным космическим силам, становится относительно самостоятельным и активным субъектом духовного общения и религиозного сознания" (с. 211).

Своеобразным "ядром", "стержнем" эмпатии в традиционной культуре народов Кавказа является *псапэ* – чистое, свободное от корысти благодеяние. "Псапэ выполняет роль внутреннего постоянно действующего мотива благородных поступков и достойного образа жизни" (с. 116). Считается, что всякое благодеяние духовно обогащает человека, облагораживает его. При этом Б.Х. Бгажников подчеркивает бескорыстность этого установления. Буквальное значение слова "псапэ" – "опора (основа) души", что напоминает значение буддистских понятий *пин* – "моральная заслуга" и *карма* – воздаяние (с. 117). Но, как отмечает Б.Х. Бгажников, буддистские понятия подразумевают заслуги за воздержание от "неправильного" поведения, в то время как пафос *псапэ* "в чистом, свободном от корысти благодеянии", состоящем "в нравственно полноценных действиях", вызывающих у человека "прилив сил и чувство удовлетворения" (с. 117). Если выразить данное явление упрощенно, то индивид получает удовольствие и испытывает радость от бескорыстного благодеяния (сочувствия, переживания) и чувствует себя Человеком.

Значение рецензируемой книги не только в утверждении гуманистического подхода, но и в том, что читатель может соприкоснуться с мудростью Кавказа и мудростью традиции в целом. Заслугу автора я вижу в том, что он показал прямую связь древних традиций с современными теориями и нашел место переживающему человеку в интегративном этнологическом знании.